

Качели плавно замерли.

У Ваньи, сидевший на коленях у Ми Юньцзиня, замер. Его сердце на мгновение пропустило удар.

Ему показалось, что он ослышался.

— Что ты сказал? — спросил он, медленно поворачиваясь к Ми Юньцзиню.

— Моё цветение подходит к концу, — тихо отозвался тот. — Пока этот процесс не завершился, мне нужно посадить новое семя, чтобы дать жизнь новому Ми Юньцзиню.

Голос Ми Юньцзиня звучал так же мягко и безмятежно, как и всегда, но у Ваньи от этих слов болезненно сжалось сердце.

Эта невозмутимость, это абсолютное спокойствие пугали — в них сквозило смирение увядающего существа, покорно принимающего свой конец.

Вглядываясь в глаза Ми Юньцзиня, У Ваньи хрипло выдавил:

— Что это значит?

— Мне нужно твоё тело. Оно станет сосудом, в котором завершится опыление. Как только новое семя укоренится и взойдёт внутри тебя, моё предназначение будет исполнено.

У Ваньи мёртвой хваткой вцепился в воротник его одежд. Лицо его побелело.

— Я спросил, чёрт тебя дери, что это значит?!

Какое ещё семя? Какое предназначение?!

Он не желал и не мог этого понимать.

Ми Юньцзинь молча разглядывал лицо юноши: упрямую линию переносицы, искусанные, лишённые красок губы.

— В этом мире может существовать лишь один Ми Юньцзинь, — спокойно произнёс он. — Когда спустя сотню лет мои цветы опадут, наступит срок моего возвращения в лоно земли.

У него с самого рождения был лишь один удел — цвести. Цвести от первого вздоха до самого

конца.

Когда последний лепесток увянет, родится новый Ми Юньцзинь, готовый унаследовать этот мир. А плоть и кровь старого станут для него пищей.

Таков долг того, кто зовётся Ми Юньцзинем. Великий круговорот жизни.

Срок его подходил к концу, но душа оставалась безмятежной. Он принял эту участь в тот самый миг, когда впервые увидел свет.

Ведь и его собственные бутоны когда-то распустились на увядающем теле его предшественника.

Сам он — лишь крошечное звено в бесконечной цепи перерождений, обыденное и неизбежное.

Это не гибель. Это триумф новой жизни, вечный закон природы.

У Ваньи замолк.

Пальцы его судорожно сжимали тонкую ткань на груди Ми Юньцзиня, готовые разорвать её в клочья.

Вдруг он низко опустил голову и тихо, надрывно рассмеялся.

— Надо же... Выходит, ты тоже сдохнешь.

Его руки безвольно опустились.

Ми Юньцзинь молча смотрел на его склонённую макушку.

— Это не смерть. Это продолжение жизни.

— Чушь собачья! — У Ваньи вскинул голову и вновь рванул на себя его ворот, уставившись на него воспалёнными, покрасневшими глазами. — Смерть — это пустота! Ничего не остаётся! Даже если твоё семя прорастёт, новый цветок не будет тобой!

Ми Юньцзинь мягко придерживал его за талию. Глядя в это искажённое горем и злобой лицо, он тихо выдохнул:

— Но я уже устал жить.

В груди У Ваньи вспыхнула ярость, какой он прежде никогда не знал.

— Что значит «устал»?..

— А как же ты? — Ми Юньцзинь заглянул ему прямо в душу.

У Ваньи оцепенел.

Действительно.

А как же он сам?

Он ведь и сам стоял на краю могилы. Если бы не Ми Юньцзинь, вытащивший его из когтей смерти, его кости давно бы сгнили.

Какое право он имеет судить его?

Взгляд У Ваньи наполнился горькой, удушающей беспомощностью.

Он ведь и сам не хотел жить. И никогда не цеплялся за это существование.

Что хорошего в этой жизни?

— И то верно... Что в ней хорошего? — Его пальцы разжались.

Слова сорвались с губ, а следом из глаз брызнули слёзы.

— Что в ней хорошего... Я и сам давно сыт по горло.

Он шептал это, не замечая, как горячие капли катятся по щекам.

Но бушевавшая внутри обида, злость и дикое, упрямое нежелание мириться с судьбой сдавили грудь мёртвой хваткой, не давая дышать.

Если ему плевать на жизнь, откуда тогда эта ярость? Откуда это отчаяние?

Ответ был прост: он ненавидел этот мир. До глубины души.

К чёрту их круговороты и преемственность! Он не верил в эту чушь и никогда не примет её!

У Ваньи стиснул ладонью ткань на груди, словно пытался вырвать собственное бьющееся сердце. В его глазах плескалась леденящая ненависть.

С той секунды, как он узнал о скорой гибели Ми Юньцзиня, всепоглощающая жажда разрушения нахлынула с новой, ещё более сокрушительной силой, выжигая остатки рассудка.

Но вместе с ней в душу закралось и другое чувство — тёмное, извращённое, куда более жуткое, чем любые порождения преисподней.

Безумное, ядовитое желание утянуть Ми Юньцзиня за собой. Сгнить с ним в одной могиле.

Ми Юньцзинь тоже умрёт.

Какая глупость. До чего же смешно.

Все его прежние робкие надежды, рождённые в сомнениях и страхе, обрели теперь это жуткое, неоспоримое оправдание.

Какая разница? Ми Юньцзинь всё равно обречён.

Ему хотелось расхохотаться в голос, но растерзанное сердце зашлось невыносимой болью.

— Почему именно я? — сипло спросил он.

Если Ми Юньцзиню нужно вырастить преемника, ему следовало найти крепкий, здоровый сосуд, а не такое разбитое, гниющее изнутри ничтожество, как он.

У Ваньи не верил, что у этого создания нет иного выбора. Неужели всё дело лишь в том, что его собственная жизнь на исходе, и Ми Юньцзинь решил придать его неизбежной кончине хоть какой-то смысл?

Если так...

В груди снова спёрло дыхание.

— Потому что ты умираешь.

Ха. Ну конечно.

У Ваньи закрыл лицо руками и зашёлся сухим, надрывным смехом, от которого содрогалось всё

тело.

Он смеялся над Ми Юньцзином — обречённым на увядание существом, которое умудрялось так свято чтить чужие жизни. Смеялся над его вековым одиночеством среди бескрайних песков, над каждым спасённым им калеккой, над тем, как упрямо этот цветок раз за разом ловил его за руку у самого края пропасти.

И больше всего он смеялся над собой — жалким, гнилым неудачником.

— Ты... злишься на это? — выдавил он пересохшими губами.

Этот вопрос давно потерял всякий смысл, но У Ваньи упрямо цеплялся за него, снедаемый последней отчаянной надеждой.

«Ненавидь его. Ненавидь этот мир так же сильно, как ненавижу я»

Качели вновь взмыли ввысь. Солнце всё так же лениво грело землю, а ветер оставался ласковым и прохладным.

Тихий голос Ми Юньцзиня прошелестел прямо над ухом:

— Нет.

У Ваньи опустил руки и закрыл глаза.

— Ты уже посадил во мне своё семя? — задал он последний вопрос.

— Нет.

— Почему?

— Ждал тебя.

Этот мягкий, бережный ответ заставил У Ваньи рассмеяться вновь, но на этот раз из-под сомкнутых век хлынули новые слёзы.

Вся его жгучая, ядовитая злоба в одно мгновение переплавилась в бесконечную, изломанную скорбь.

Скорбь перед неумолимым роком. Скорбь по самому себе.

Ночь дышала прохладой. Овеваемые ветром занавески колыхались, точно ленивые волны под бледным сиянием луны.

У Ваньи лежал на постели, не отрывая взгляда от утончённого, неземного лица Ми Юньцзиня. Его собственные глаза казались бездонными омутами, в которых застыла чернота.

Спустя долгое молчание он отвёл взор и тихо произнёс:

— Сажай своё семя.

Лицо его оставалось мертвенно-спокойным.

У Ваньи и сам не знал, что творится у него в душе. Он давно переступил черту безумия. С той самой секунды, как услышал о скорой гибели этого создания, хаос из диких, уродливых чувств не прекращал терзать его разум.

В полумраке золотистые глаза Ми Юньцзиня вспыхнули мягким светом.

— Ты уверен?

У Ваньи слабо усмехнулся:

— А есть выбор?

Или Ми Юньцзинь собирается ждать, пока он испустит дух?

— Если я сдохну раньше, чем ты оставишь во мне росток, то ради чего ты вообще торчал со мной всё это время?

— Чтобы побыть рядом, — просто ответил он.

Эти будничные, обманчиво лёгкие слова сокрушительным ударом пришили прямо в сердце У Ваньи.

Он осёкся, чувствуя, как к горлу подкатил тяжёлый, удушливый ком. Словно ласковое, но непреклонное семя уже пыталось пробиться сквозь его гнилую, беспросветную суть, отвоёвывая себе место.

Он смотрел в глаза Ми Юньцзиня, где золотые искры сливались в сияющую, тихую реку, несущую покой.

Испугавшись, что этот поток утянет его без остатка, У Ваньи поспешно зажмурился и хрипло выдавил:

— Делай что хочешь.

С ужасом он осознал, насколько ничтожно его сопротивление перед этим существом. Но ещё страшнее было то, что теперь он подчинялся добровольно, сгорая от какой-то извращённой, болезненной жажды.

Едва уловимый вздох, похожий на дуновение сквозняка, коснулся его щеки, мгновенно сокрушая последние преграды.

Он чувствовал себя обнажённым, беззащитным — полностью отданным на милость Ми Юньцзиня.

Пусть делает с ним всё, что заблагорассудится. Он примет это.

В прохладном ночном воздухе У Ваньи ощутил, как нечто нежное и гибкое обвил его лодыжку и медленно поползло вверх по бедру.

Никакой боли, никакого страха — лишь щекочущая, сонная истома, поднимавшаяся по телу ласковой волной.

Ресницы вздрогнули, он медленно приоткрыл глаза и замер от изумления. Комната превратилась в изумрудную чашу. Десятки, сотни нежно-зелёных побегов карабкались по стенам, извивались по полу, заполняя собой каждую пядь пространства, не оставляя ни единой щели.

Один из стеблей плотно обвил его поперёк груди, словно хищное растение, почуявшее добычу и заявляющее на неё свои права с непреклонной, первобытной жадой обладания.

Зрачки У Ваньи сузились от священного трепета, но стоило ему перевести взгляд на Ми Юньцзиня, как сердце окончательно замерло.

Тот словно сам являлся продолжением этого дикого сада. Ниже бёдер его тело переходило в сплетение сочных изумрудных ветвей, которые свивались в могучий, неодолимый ствол. Он походил на вековое дерево, сочащееся первозданной силой.

Все побеги в комнате брали начало от его плоти, расползаясь во все стороны, пульсируя

неукротимой, пугающей мощью жизни.

Золото в глазах Ми Юньцзиня разгорелось нестерпимо ярко. Он взирал на юношу сверху вниз, но в этом взгляде не было презрения к смертному — лишь безмятежное величие бескрайнего океана.

Цветок на его шее внезапно ожил. Бутон запульсировал золотисто-багровым свечением, и этот свет, разбегаясь по венам, поднялся по подбородку Ми Юньцзиня к его губам. А мгновение спустя прямо у него во рту распустился алый, как свежая кровь, венчик.

У Ваньи заворожённо смотрел на это, не в силах отвести взор.

Эта жуткая, неестественная красота стиснула его грудь невидимыми тисками, заставив забыть, как дышать.

Тонкие лозы бережно приподняли его тело, точно беззащитную жертву, возносимую к алтарю божества.

Оказавшись лицом к лицу с Ми Юньцзинем, он едва не задохнулся от хлынувшей на него первобытной мощи.

«Вот почему простым смертным не дано созерцать истинную суть богов...»

Эта колоссальная, древняя сила подавляла волю, запрещая даже помышлять об ослушании. Один лишь взгляд на неё грозил растворить твою душу, сожрать без остатка вместе с костями и плотью.

И У Ваньи охотно тонул в этой золотой бездне.

Когда Ми Юньцзинь прильнул к его губам, алый цветок обернулся крошечным сияющим семенем. Оно скользнуло в рот У Ваньи, опускаясь глубоко внутрь, чтобы пустить там корни. Послушный чужой воле, юноша заговорил, словно в бреду:

— Что... что мне делать?

В этот миг он был пронзён насквозь — физически и духовно. Разум и плоть безраздельно принадлежали Ми Юньцзиню. Он был готов принять любую участь.

Сияющий золотом взор встретился с его тусклым взглядом.

Чистый, прохладный голос Ми Юньцзиня прозвучал будто бы из глубин веков:

— Стань моим пестиком.

Тончайшие капилляры на лице и теле У Ваньи налились золотисто-алым свечением, проступая сквозь бледную кожу. Невидимые нити тянулись по кровеносной системе, намертво оплетая сердце.

Из его груди вырвался хриплый, прерывистый стон — сладкий и мучительный.

Там, в темноте под рёбрами, прямо из его пупка проклюнулся крошечный зелёный росток, пульсирующий неукротимой силой жизни.

Он стал сосудом для чужого семени. Стал безвольным пленником великого цветка.

У Ваньи лежал с плотно закрытыми глазами, и по его лицу катились слёзы, смешиваясь с безумной, счастливой улыбкой.

<http://bllate.org/book/20309/2202238>